

Священник Константин Костромин

РЕЦИДИВ СИНОДАЛЬНОГО ОБЛИЧЕНИЯ РАСКОЛА

Рецензия на: *Соколов А., прот.* Православная церковь и старообрядчество. Н. Новгород: Кварц, 2012. 432 с.

Синодальные миссионеры, работавшие со старообрядцами, исходили из твердого убеждения, что старообрядчество — это вредный раскол упершихся любителей старины, который давно себя изжил и права на существование не имеет. К этому добавлялась также почти фанатическая убежденность в правоте церковной власти вообще и патриарха Никона в частности, а потому, не углубляясь в историю реформы и раскола, не вдаваясь в аргументацию старообрядческой стороны и не давая себе труда осмыслить это явление в целом, миссионеры а priori были убеждены в ущербности всего того, что может иметь отношение к старообрядчеству, и в истинности всего того, что происходило в Церкви, особенно в середине XVII века и в дальнейшие эпохи.

Наиболее ярко эта апологетическая мысль проявила себя в произведениях известного богослова и популяризатора протопресвитера Александра Шмемана. Однако нужно признать, что знание старообрядчества — это не «конек» отца Александра. Не говоря уже о том, что его суждения о старообрядчестве непрофессиональны (а он, не очень зная предмет, все-таки посчитал своим долгом высказаться по этому вопросу, причем тоном знатока, поучающего А.И. Солженицына правильной трактовке этого сложного вопроса), они еще и основаны на том самом априорном убеждении в неправоте и неправомочности старообрядчества как явления (см. их переписку в журнале «Вестник РХД» в начале 1970-х гг.). В своей книге «Исторический путь Православия» он чуть смягчил форму, однако суть осталась прежней.

Позиция прот. Александра Шмемана непоследовательна. Ведь несколькими страницами позднее он не будет оправдывать петровское преобразование церковного управления, хотя и сама церковная иерархия не высказалась против реформы (а некоторые ее даже и воспевали), и жизнь показала, что создание Синода как постоянно действующего коллегиального управленческого органа оказалось очень удачным и отвечало духу времени, по каковой причине Синод,

---

Священник Константин Костромин — кандидат исторических наук, кандидат богословия, преподаватель, секретарь Ученого Совета и заведующий аспирантурой Санкт-Петербургской православной духовной академии (k.a.kostromin@mail.ru).

пусть и в видоизмененной форме, продолжает действовать и сейчас. Иными словами, пересмотр оценок исторического прошлого, начавшийся в середине-конце XIX века, еще не закончен. Противоречивость актуальных оценок требует дальнейшей работы церковных и светских историков, и далеко не очевидно, что консенсус будет найден с легкостью.

Старообрядчество — это одна из тех проблем, которые не могут иметь однозначной оценки. Однако изучение его истории во второй половине XIX – XX веках, прежде всего, благодаря усилиям таких историков, как А.П. Шапов, Н.Ф. Каптерев, С.А. Зеньковский и др., привело к некоторой «реабилитации» старообрядчества. «Мы глубоко сожалеем о тех жестокостях, которые были причинены приверженцам старого обряда; о тех преследованиях со стороны гражданских властей, которые вдохновлялись и некоторыми из наших предшественников в иерархии Российской Церкви только за любовь старообрядцев к преданию, принятому от благочестивых предков, за ревностное хранение его... — говорится в послании Собора Русской Православной Церкви Заграницей 2000 г. — И несмотря на это, хотя наша иерархия и наши верующие никогда не участвовали в преследованиях и насилиях, причиненных старообрядцам, мы хотим воспользоваться и ныне данным случаем, дабы испросить у них прощения за тех, кто презрительно относился к их благочестивым отцам.

Этим мы хотели бы последовать примеру святого императора Феодосия Младшего, перенесшего святые мощи святителя Иоанна Златоуста в Царственный град из дальней ссылки, куда родители его немилостиво отправили святителя. Применяя его слова, мы взываем к преследованным: “Простите, братья и сестры наши, прегрешения, причиненные вам ненавистью. Не считайте нас сообщниками в грехах наших предшественников, не возлагайте горечь на нас за невоздержные деяния их. Хотя мы — потомки гонителей ваших, но неповинны в причиненных вам бедствиях. Простите обиды, чтобы и мы были свободны от упрека, тяготеющего над ними. Мы кланяемся вам в ноги и препоручаем себя вашим молитвам. Простите оскорбивших вас безрассудным насилием, ибо нашими устами они раскаялись в содеянном вам и испрашивают прощения”.

В XX веке на Православную Русскую Церковь обрушились новые преследования, теперь уже от рук богоборного коммунистического режима. Перед нашими глазами ярким образом представилось преследование при малодушном или даже бессовестном сотрудничестве и пособничестве гражданским безбожным властям со стороны лиц, именующих себя церковными. Мы со скорбью признаем, что великое гонение нашей Церкви в прошедшие десятилетия отчасти

может быть и Божиим наказанием за преследование чад старого обряда нашими предшественниками. Итак, мы сознаем горькие последствия событий, разделивших нас и тем самым ослабивших духовную мощь Русской Церкви»¹.

Столь длинная преамбула потребовалась потому, что анализ и оценка значения сочинений на эту тему могут показаться неоднозначными. Рецензируемая книга понятна именно в контексте этой преамбулы. Автор книги — митрофорный протоиерей Александр Соколов (очевидно, помещение на обложке упоминания митрофорного статуса автора должно придать вес книге в глазах широкой читательской массы) — начинает с цели своей работы. Она вырисовывается как апологетическая: «Поводом к ее написанию послужило прочтение одной книги, которую мы назовем позднее: все ее содержание сводится к тому, что в Православной Церкви все неправильно и там служат недостойные люди, которым надо каяться за то, что они оставили старые обряды... Авторы, особенно старообрядцы, виновником раскола считают патриарха Никона. Его обвиняют во всех человеческих слабостях, начиная с властолюбия. Мы хотим сказать, что Никон, как человек глубоко воцерковленный, ясно видел и чувствовал серьезное разделение внутри русского общества, грозившее расколом... Задача, которую сознательно он себе ставил, состояла в том, чтобы удержать все русское общество в целом в послушании Православной Церкви в такой обстановке, когда значительная часть общества (снизу доверху) стала заметно от нее отходить» (с. 3–4).

Приведенные слова позволяют легко распознать в авторе апологета патриарха Никона, продолжателя идей М.В. Зызыкина, прот. Льва Лебедева и др. Спор между различными школами едва ли уместен и возможен, однако задача нашей рецензии не сводится к бесполезной попытке их примирить или просто лишний раз столкнуть. Различные идеи о природе власти заставляют исследователей делать различные выводы и из событий прошлого.

Прот. А. Соколов исходит из идеи божественного происхождения и оправдания власти, по каковой причине он видит совершенно естественным стремление патриарха Никона к абсолютной власти в Церкви, считая соборное движение порождением гордыни (с. 5–6). Сторонники соборности и соборного начала в Церкви склонны видеть в характере отношений протопопов и Никона трагизм положения и возлагать ответственность не только на их участников, но и на «злобу дня», в которой вины непосредственных участников событий, казалось бы, нет. Однако отметим, что XVII век стал веком становления рус-

---

¹ Послание Собора Русской Православной Церкви Заграницей к приверженцам старых обрядов. Октябрь 2000 г.

ского монархического абсолютизма, и в этом движении воля непосредственных участников событий играла ключевую роль. Никон, как сторонник абсолютизма, выступает и на стороне государства (как апологет самой формы абсолютной власти), и против него (поскольку его власть — не государственная). Он не мог не понимать, в этой связи, своего двусмысленного положения. Патриархи его эпохи, за совершенно понятным исключением патриарха Филарета, не имели столь масштабной власти. Поведение Никона, выбивающееся из общего ряда, несомненно подтолкнуло Петра Великого нивелировать влияние Церкви, опасаясь повторения феномена Никона впредь, и утвердить то самое «демократическое» начало, с которым Никон боролся. Таким образом, выбившись «из колеи», Никон еще и подтолкнул ситуацию в противоположном направлении. Гордыня человека,двигающегося против течения как «светской», так и церковной конъюнктуры, очевидна. Следовательно, изначальная апологетическая посылка автора представляется неверной.

Нет смысла разбирать первые три главы книги, так как их содержание не имеет отношения к теме, заявленной в заглавии книги. Не вполне понятно, зачем в подобного рода произведении излагать предшествующую историю Руси и Русской Церкви, носящую общий характер. В книге С.А. Зеньковского «Русское старообрядчество» (использованной автором только как цитатник для собственных выводов; но мысль, заложенная в книге, прот. А. Соколовым использована не была) преамбула вполне оправдана, поскольку она тематически сужена и представлена в объеме, подобающем для преамбулы. Экскурс в историю общественной мысли тщательно продуман и не вызывает никаких возражений. К сожалению, этого нельзя сказать о рецензируемой книге.

Старообрядцы впервые выступают на страницах сочинения прот. А. Соколова в контексте событий 1650 г., т.е. еще до патриаршества Никона (с. 83–84 и сл.). Это вызывает недоумение. В качестве примера приведем фразу: «Старообрядцы, имевшие большое влияние на церковную жизнь при патриархе Иосифе, стремились как можно больше ввести в устав того, что, по их мнению, было необходимо». В частности, ниже речь идет о «дерзкой» попытке ввести практику единогласия (поясним: внятного произнесения богослужебных текстов), которая была чужда русской богослужебной традиции и была негативно воспринята народом (с. 89). Все рассуждения покоятся на дилетантских рассуждениях о форме сложения перстов при крестном знамении и благословении (с. 94–119). В них явно не была использована упоминаемая в списке использованной литературы книга Б.А. Успенского «Крестное знамение и сакральное простран-

ство», а самого автора прот. А. Соколов называет «сторонником старообрядчества» (!) (с. 97). При этом, критикуя выводы современных называемых и неназываемых ученых, прот. А. Соколов ссылается на обличительные сочинения митр. Григория (Постникова) и известный труд митр. Макария (Булгакова), фактически упрекая авторов «Православной энциклопедии» в непрофессионализме (с. 108–109 и слл.). Т.е. устами прот. А. Соколова дореволюционная наука полемизирует с наукой современной. Из сказанного выше автор делает совсем уж удивительный вывод: «Называемые старообрядцами “старые” обряды были для русских людей конца XVI – начала XVII века новыми, которые старообрядцы ввели в церковную практику». Вывод противоречит не только научным данным, не только даже внутренней логике (старообрядчество — это реакция на действия патриарха Никона и не могло появиться до его патриаршества), но и самому себе. В самом деле, автор называет «старообрядцами» тех, кто придумывал, по его словам, **новые** обряды. Далее, когда он уйдет от обрядовой тематики, он будет называть их раскольниками, однако логичнее, в рамках предложенной концепции (которая, повторимся, сама по себе абсурдна), называть их так с самого начала. На таких контрастах построена вся книга.

В седьмой главе автор рисует перед читателем биографический портрет патриарха Никона. Перед нами предстает образ, лишенный даже намека на какие бы то ни было недостатки. Никон, по описанию прот. А. Соколова, отличался любознательностью (с. 145), красотой (с. 149), величием, красноречием, благочестием (с. 152), проникательностью (с. 154), скромностью (с. 155), ревностью о чистоте веры (с. 160–161), кротостью (с. 218), милосердием (с. 185). Патриарх Никон был незлопамятным человеком (с. 151), выдающимся организатором (с. 159), молитвенником (с. 185–186), книжником (с. 186) и постником (с. 187, 189). По мнению автора, этого замечательного человека с патриаршего престола скинули завистливые бояре (с. 176–179). Только на бояр и на расколоучителей легла основная вина за то, что дело патриарха Никона не получило хода. Обвинения в его адрес были «сплошной клеветой» (с. 228). Иными словами, авторская концепция сложилась задолго до знакомства с историческим материалом, который призван был только иллюстрировать оторванную от действительности, искусственно сконструированную мысль автора.

Оценивая взгляды и деятельность «расколоучителей», прот. А. Соколов принципиально тенденциозен. Он почему-то посчитал, что «вожди раскола, люди, непокорные учению Церкви, основывались на ересь ариан, несториан, евтихиан» (с. 119). Произведения Аввакума, оказывается, «носили все признаки

анархической агитации» (с. 275), противоположной общей тенденции построения абсолютистского государства, которая, впрочем, автору также не понравилась (петровское государство он назвал «тоталитарным», с. 347). Утверждая это, автор продемонстрировал совершенное незнание произведений самих старообрядцев, выдержки из которых приводил исключительно по полемической антистарообрядческой литературе конца XVIII–XIX веков. Ссылку старообрядческих лидеров в Пустозерск прот. А. Соколов почему-то назвал «случайной» (с. 267). Очевидно, такой эпитет ему потребовался для того, чтобы заявить, что «ссылных в Пустозерске не беспокоили... Они жили вольно и агитировали всю», что является вопиющим незнанием или сознательным игнорированием исторических фактов. Ложью или подтасовкой является и утверждение, что монахи Соловецкого монастыря, после бунта и взятия обители царскими войсками «принесшие покаяние Церкви и государству, а их было большинство, были прощены и остались жить в монастыре» (с. 336). Впрочем, догадываясь, что данный исторический сюжет не вписывается в его концепцию, автор не стал на нем задерживаться, посвятив ему всего полторы страницы (с. 334–336). Вызывает искреннее удивление и то, что историю старообрядческих согласий маститый протоиерей изложил только по советской атеистической пропагандистской популярной брошюре Миловидова (с. 293–311).

Чрезвычайно странным, совершенно противоречащим выводам современной научной литературы и здравому смыслу представляется вывод прот. А. Соколова. «В заключение мы можем утверждать: сколько бы ни говорили о церковной реформе XVII века, приписываемой Никону, реформы не было». По его мнению, весь смысл деятельности Никона сводился к попыткам удержать русское общество от раскола и простому исправлению испорченных безграмотными переписчиками-расколоучителями книг. Абсурдность этого заключения очевидна.

Наш обзор не является детальным. В книге есть много нелогичных заключений, откровенного незнания фактов, подтасовок и умолчаний. Едва ли нужно разбирать их все. Ненаучность издания подчеркивается списком использованной литературы. Из 61 наименования (с. 423–427) лишь не более 18 можно отнести к литературе, непосредственно касающейся темы исследования и не являющейся при этом публицистической или популярной. Остальные книги носят справочный, общеисторический или вспомогательный характер. Неоднократно на страницах книги можно найти глухие отсылки и даже цитаты из работ известных историков: В. Пальмера, Н. Гиббенета (называемого почему-то «Гюб-

бенетом»), С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Е.Е. Голубинского (которого автор путает с известным философом прот. Ф.А. Голубинским), Н.Д. Успенского, митр. Иоанна (Снычева), архиеп. Серафима (Соболева) (известного историка прот. Льва Лебедева автор почему-то называет Л.С. Лебедевым) и многих других. Их произведения не вошли в список использованной литературы. Более того, прот. А. Соколову остались неизвестны практически все работы профессиональных историков по истории старообрядчества и XVII века в целом, причем не только современные, но и дореволюционные.

После книги С.А. Зеньковского «Русское старообрядчество» трудно создать книгу, которая мгновенно не затерялась бы в библиографических списках. Единственным известным общим трудом, написанным после этой замечательной монографии, который оказался принят читающей аудиторией, стала книга А.В. Крамера «Раскол Русской Церкви в середине XVII века». Книга прот. А. Соколова как библиографическая единица не обладает ровным счетом никакой ценностью. Более того, в ней предложена реконструкция не только осмысления, но и исторического сюжета, которого просто не было в действительности.

В конечном итоге важно не то, прав автор в своих исторических штудиях или нет. Время все расставляет на свои места. Важнее другое — своим апологетическим, а на самом деле агрессивным произведением он слегка (не следует преувеличивать значение данного опуса) и добровольно подтолкнул проблему к тому, чтобы она решалась более болезненно. Священноначалие Русской Православной Церкви довольно однозначно высказалось по поводу данной проблемы. Поместный собор 1971 г. постановил «утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23(10) апреля 1929 г. об упразднении клятв Московского Собора 1656 г. и Большого Московского Собора 1667 г., наложенных ими на старые русские обряды и на придерживающихся их православноверующих христиан, и считать эти клятвы, яко не бывшие. Освященный Поместный Собор Русской Православной Церкви любовью объемлет всех свято хранящих древние русские обряды, как членов нашей Святой Церкви, так и именующих себя старообрядцами, но свято исповедующих спасительную православную веру». Автор рецензируемой книги с этими постановлениями, видимо, не согласен. Однако соборный разум нашей Церкви стремится к тому, чтобы добрые отношения между людьми доброй воли способствовали воле Господа, Который «да утвердит православное единомыслие употребляющих равноспасительные новые и старые обряды, и да пребывает среди всех нас любовь Христа Господа, Который умер

за всех нас, дабы мы примирились с Богом и, примирившись, спаслись (Рим 5:8,10)»².

---

²Деяние Освященного Поместного Собора Русской Православной Церкви об отмене клятв на старые обряды и на придерживающихся их, Троице-Сергиева Лавра, 2 июня 1971 г. от Рождества Христова